

ОБРАЗ ВЛАСТИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛЕЙ

Н. А. Романович

Институт общественного мнения «Квалитас»

Поступила в редакцию 17 сентября 2009 г.

Аннотация: в статье рассматриваются конкретные противоречия между характеристиками традиционной модели образа власти, свойственной российской культуре, и характеристиками современной демократической модели образа власти.

Ключевые слова: образ власти, традиционная модель, современная модель, источник власти, персонификация власти.

Abstract: the article deals with particular contradictions between the characteristics of a traditional image of power common for Russian culture and a modern democratic model of the image of power.

Key words: image of power, traditional model, modern model, source of power, personification of power.

Представления населения о том, что есть власть, каковы ее обязанности, функции, структурные элементы, должные действия в тех или иных случаях, составляют определенный образ власти, свойственный конкретной культуре.

Отличия российского образа власти от восприятия власти в других странах были отмечены общественными деятелями и публицистами уже давно. Более 100 лет тому назад, в 1892—1896 гг., схиархимандрит Варсонофий (Плиханков) писал в своих «Келейных записках», что преданность православного русского народа своим Царям совсем не то, что преданность западных народов их государям. По современным западным понятиям, государь есть не кто иной, как представитель своего народа; западные народы любят своих представителей и охотно повинуются, когда они верно выполняют свое назначение. На Западе в своих государствах народы любят лишь самих себя. Если король в силу личных качеств не в состоянии быть верным отражением господствующих в народе стремлений, идей и страстей, то его волю ограничивают и сжимают посредством конституционных тисков. Если же король не поддается этим усилиям и не в силах подстроиться под вкус и характер подданных, то лишается не только народной любви, но и престола, как это было с Карлом X, Людовиком-Филиппом, сардинским королем Альбертом. Совсем не то у нас в России: «наш Царь есть представитель воли Божьей, а не народной. Его воля священна для нас,

как воля помазанника Божия; мы любим его, потому что любим Бога» [1, с. 44]. Назовем такую модель образа власти, характеристики которой зиждутся на любви к Богу, традиционной, или исконно российской, так как она зародилась и сформировалась вместе с зарождением и образованием России (т.е. искони).

Образ власти включает в себя установочные, структурные, функциональные, оценочные и другие характеристики, логически связанные между собой. В частности, такая установочная характеристика, как *идея служения*, в традиционной российской модели трактуется так: «власть» — это то, чему нужно и должно служить. Прежде в царской армии говорили: «Служу царю и Отечеству». А царь в глазах народа являлся представителем Бога на земле, непосредственным выразителем божественной воли. Поэтому служить царю и служить Богу было почти равносильной добродетелью. В исконно российской модели харизматическое отношение к верховному правителю превалировало над рациональной оценкой его личных качеств.

Американская модель взаимоотношений народа и власти предполагает противоположное направление служения. Верховный представитель власти, избранный народом, служит народу, а не народ служит ему. Поэтому отношение к власти и ее верховному представителю спокойное, ровное, без примеси мистики, в какой-то степени напоминающее отношение к обслуживающему персоналу, характерное для демократической идеи и являющееся ее логическим следствием. Такая устано-

вочная характеристика имманентна *современной модели* образа власти.

Необходимо пояснить, что противостояние *традиционной* и *современной* моделей рассматривается здесь в классическом варианте, как сформулированная Ф. Теннисом оппозиция *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, но без учета расширенной социально-философской трактовки, а напротив, как локализованная в рамках властных отношений.

Современная модель властных отношений по формальным показателям доминирует в развитых странах *современного* мира, откуда, собственно, и следует ее название.

В Россию современную модель образа власти привнесла демократическая концепция. Здесь следование новой модели означает ориентацию на западные образцы властных отношений и постановку задачи — догнать в культурно-цивилизационной перспективе Запад (или Америку). Современная модель образа власти вступает в противоречие с *традиционной* российской. И это противоречие не есть противоречие между прошлым и настоящим, как может показаться из дихотомии понятий «традиционность» и «современность», — а скорее противоречие между Востоком и Западом, существовавшее на протяжении всей истории России.

Есть риск обмануться, полагая, что если в политических культурах разных стран существуют институты власти, идентичные по наименованию и устройению, то они идентичны и по содержанию. Так, монархия в дореволюционной России имела неприметные, на первый взгляд, но существенные отличия от монархии западных стран. По утверждению современных политологов, некоторые элементы сегодняшнего демократического института были заимствованы из монархической идеологии. Например, бывший главный редактор журнала «Политические исследования» М. В. Ильин пишет, что «представительство» (имеются в виду думские и прочие выборы) не было изобретено демократами, а развилось как средневековый институт монархического и аристократического правления. Вполне обоснованно считалось, что представительство в корне противоречит прямому участию в принятии решений, т.е. собственно демократии, являясь ее логической антитезой. «И действительно, авторитаризм в своей логике есть последовательное проведение принципа представительства, делегирования власти авторитету, т.е. отчуждение ее у множества и передача немногим или даже одному лицу. В пределе — это самодержавие, предполагающее лишение всех и каждого субъект-

ности в пользу единственного актора-самодержца» [2, с.158]. Этот вывод может быть справедлив по отношению к монархиям западного типа. Но самодержавие в российском варианте — это вовсе не представительство, не делегирование власти от народа к царю, а нечто противоположное. В России народ не наделял самодержца властью, а признавал его власть, считая, что монарха наделил властью сам Бог. Тем самым царь царствовал не от имени народа, но от имени Бога. *Вектор делегирования власти* в российском случае направлен сверху вниз: от Бога к царю и далее к народу (а не снизу вверх, от подданных к монарху, как при представительстве). Получается, что, хотя формы правления носят одинаковое название «монархия», они имеют существенные идеологические различия, которые и предопределили дальнейшие пути их трансформации.

Если представить модель властных отношений в виде геометрической фигуры, то традиционной моделью для России является остроконечная пирамида (верх — правитель, основание пирамиды — народ). Пирамидальная форма адекватна монархической идее. Чем выше, тем более сконцентрирована власть. Демократическая идея же представляет властные отношения в виде перевернутой пирамиды. Основание пирамиды — народ — оказывается вверху, так как именно народ теоретически является основным актором власти, а острие пирамиды (правитель) находится внизу, поскольку «повеления» народа спускаются к нему и правитель должен их выполнять.

Данные характеристики различных моделей образа власти являют собой выпуклые, почти зримые идеологические различия между российской монархией и западной демократией (исконно российской и современной моделями образа власти) и тем самым предопределяют систему государственных органов, адекватную для каждой модели.

О противоположности *геометрических фигур образа власти* в России и на Западе говорит доктор философии В. И. Россман, проживающий сейчас в США (Остин) [3, с. 38—50]. Он считает, что доныне не закончено идеологическое противостояние двух древних философов: Платона и Аристотеля. И тот и другой пытались создать концепцию государства. По мнению Россмана, основные идеи Платона были впитаны Россией с момента ее появления на карте мира и с тех пор преломляются в элементах ее государственного устройства в том или ином причудливом виде. А «пирамида власти Платона, — утверждает он, — это перевернутая

пирамида власти западного общества [3, с. 39]. Если во главе «Государства» Платона находятся философы-цари, вооруженные правильной идеологией и абсолютным знанием, за ними следуют воины-стражи, призванные обеспечить безопасность граждан, и только после них идут ремесленники и торговцы, то в западном капиталистическом обществе на вершине пирамиды располагаются торговцы (генеральные директора крупнейших корпораций), затем ремесленники (включая инженеров и программистов, автомехаников и бухгалтеров), военные, и уж потом, в поддонных слоях общества, располагаются философы-цари и прочие гуманитарии. Россман замечает, что «в противоположность западной пирамиде власти даже постсоветская русская иерархия сохраняет некоторую верность платоновской идее идеократии и воспроизводит платонову пирамиду в причудливых модификациях» [3, с. 40].

Причудливые модификации характерны и для демократии: в российском варианте она преобразуется в «управляемую демократию», «суверенную демократию» и т.п.

Иными словами, такие характеристики образа власти, как источник власти, направленность вектора и так называемая пирамида власти, противостоят друг другу в различных моделях образа власти — традиционной и современной. Это противостояние отражается в *противоречиях между воззрениями* населения на власть и содержанием официальных документов.

Формально Россия приняла современную модель властных отношений, которая закреплена в Конституции РФ. Любопытно, что действующая Конституция провозглашает современную модель образа власти, а в общественном мнении доминирует традиционная модель. Например, согласно опросу ВЦИОМ, «главным источником власти и носителем суверенитета в нашей стране является не народ, как написано в Конституции, а Президент... 55 % населения уверены в том, что глава государства и суверенитет — одно и то же. Формально лишь 19 % участников всероссийского исследования верят в российскую демократию и полагают, что власть в нашей стране принадлежит... народу» [4, с. 16]. Власть в России обычно персонифицирована с главой государства, поскольку именно он, по мнению народа, является *источником власти*.

Источник власти

Вопрос об источнике власти — один из ключевых вопросов, актуальный во все времена. В зависимости от ответа на этот вопрос возникали и ру-

шились те или иные формы государственной власти и общественного устройства. Это вопрос: «*Чья власть на земле?*».

С. Булгаков в своем философском сочинении «Свет Невечерний», пытаясь определить религиозную и мистическую природу власти, пишет: «Очевидно, власть имеет отношение к самому существу человеческого духа, и надо, прежде всего, отвергнуть рационалистические измышления “просветительства”, будто власть и право кем-то изобретены, произошли вследствие “общественного договора” или свободного соглашения... Власть излучается произвольно и возникает органически и конкретно как историческая власть... Она присуща всему человечеству и слагается из способности повелевать и повиноваться, из авторитета и лояльности, которые суть лишь два полюса власти... Истинная власть принадлежит одному Богу, земная же власть есть символ Божьего всемогущества». [5, с. 391—392].

В отказе первых христиан исполнить требование воскурить жертву идолам и признать императора «Господом», не принимавшееся всерьез даже теми, кто предьявлял его, надо усматривать не равнодушие христиан к «внешнему» миру, а, напротив, утверждение власти Христа как Господа мира и источника всякой власти. В Риме I—III вв., как пишет прот. Шмеман, почти никто не верил в идолов, поклонения которым требовали от христиан. Но они не могли признать императора «Господом», совершить даже внешнее поклонение идолам, хотя бы и без веры в них. «Господь» на языке того времени означал абсолютного хозяина и владыку, обожествленного господина. Этот отказ христиан от исполнения самоочевидного, с точки зрения языческого мировосприятия, гражданского долга, имел непосредственное отношение к признанию единой власти Христа. «Это не был ни бунт, ни осуждение государства как такового, ни даже сопротивление его отдельным дефектам и порокам. Начиная с апостола Павла, христиане могли смело утверждать свою “лояльность”, ссылаясь на свои молитвы за императора, за власть и за родину...» [6, с. 58].

Христианское мученичество как в древней, так и в новой истории — это не борьба за «свободу совести», за право человека делать религию своим «частным делом», это утверждение власти Господа Иисуса Христа над землей. История новомучеников Русской Церкви имеет тот же смысл. Свидетельство человека стороннего, нецерковного вполне беспристрастно. Писатель Лев Разгон в

своих воспоминаниях о годах, проведенных в сибирских тюремных лагерях, рассказывает, как крестьянки из Воронежской области отказались работать на Пасху. Тогда женщин загнали в болото, и они, разутые, стоя по колено в ледяной воде, пели пасхальные стихиры [7]. Равнозначна ли причина, по которой шли на мученичество христиане Древнего Рима и эти простые русские женщины? Ведь их не вынуждали поклоняться идолам, всего лишь приказали работать, как и всем остальным, на Пасху. Но все дело в том, что подобный приказ исходил от мирской власти, взбунтовавшейся против истинного владыки неба и земли. Смысл приказа был очевиден — презрение к великому дню, к постановлению другой власти, которая выше земной. И крестьянки, стоя в ледяной болотной воде, удостоверяли наличие этой высшей власти, которую земная богоборческая власть пыталась игнорировать. Другими словами, они утверждали наличие Бога в качестве *источника власти*.

В традиционной российской модели образа власти источником власти является Бог, поэтому власть была персонифицирована, прежде всего, с именем Бога, а затем и с именем верховного правителя государства как представителя Бога на земле.

Персонификация

Исконная российская модель образа власти включает в себя такую установочную характеристику, как *персонификация*. Персонификация власти предполагает восприятие власти не как политического института, а как конкретной личности, в которой эта власть воплощается. Личным качествам представителя власти придается большее значение, чем законотворчеству.

Восприятие власти, вписанное в мировоззренческие многовековые российские социокультурные традиции, не просто отличается от современной демократической модели образа власти, а противостоит ей логически, если так можно выразиться, «воюет» с ней за каждую «высоту». И одна из «баталлий» — это противостояние концепций персонификации и деперсонификации власти.

Вопрос о роли личности в истории всегда был спорным. Есть мнение, что личность представителя власти не должна влиять на функционирование общества во избежание подрыва его стабильности. Демократическая концепция, отображенная в современном образе власти, пропагандирует деперсонификацию власти. Человек, облеченный властью, представляется чем-то вроде необходимой детали в хорошо отлаженном механизме. Эту деталь не только можно, но и нужно менять, скажем, каждые

четыре года. Схема управления строится таким образом, чтобы система работала независимо от того, кто именно занимает в ней определенное место. Современная модель образа власти направлена на решение задачи — свести до минимума влияние личности на историю, унифицировать систему управления, обезопасив ее от любых неожиданностей, связанных с индивидуальными чертами характера людей. Главное — это закон, который диктует систему управления и обозначает ее функции.

Но в российском менталитете роли личности во власти традиционно отводится ключевое значение. Для русских мыслителей «личность» во власти была краеугольным камнем государственного строительства. И. А. Ильин настаивал: «Править государством должны лучшие люди страны, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов». И грозил: «Демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть» [8, с. 246].

Понятие личности — исходный пункт философии Н. А. Бердяева. Личность, по его мнению, «есть онтологическая реальность, она входит в иерархию онтологических реальностей. Личность предполагает реальность других личностей и реальность того, что выше и глубже ее. В номиналистическом индивидуализме личность разлагается и распадается» [9, с. 59]. Бердяев усмотрел внутреннее противоречие личностного и демократического начала: «Демократия неблагоприятна появлению сильных, ярких, творческих личностей, она создает нивелирующую общественную среду, которая стремится целиком поглотить личность и подчинить ее себе... Демократическое мнение есть самая страшная из тираний, оно угнетает дух человеческий, подрезывает крылья» [9, с. 169].

С тем, что власть в России воспринимается народом персонифицированно, согласны многие современные исследователи. Это стало общим местом, поэтому, например, Ю. С. Пивоваров утверждает это в аксиоматичной форме: «Русская власть предполагает режим персонификации» [4, с. 26]. А в связи с режимом персонификации «русская политическая традиция предполагает наличие явно обозначенного лидера» [10, с. 122].

С приходом к власти нового человека народ ожидает изменений: «новая скрипка по-новому играет». Происходит своеобразная легализация того факта, что специфика управления (а подчас и его форма) может определяться характером и лич-

ными свойствами конкретного представителя власти. Во время избирательных кампаний населению не столь важно читать программы кандидатов, сколь важно видеть лицо того человека, которого он выбирает. Российского избирателя черты характера и конкретные поступки будущего представителя власти интересуют гораздо более той концепции, которую выдвигает последний. Логика населения проста: по внешности и по поступкам люди пытаются «угадать», каких действий можно ожидать от кандидата, насколько он «хорош», какова та «концепция», по которой он живет сам, так как она может существенно отличаться от декларируемой.

Власть не мыслится населением как коллективная форма, образ власти всегда непосредственно связан с определенным действующим лицом. А. И. Соловьев пишет, что политическое пространство в России отмечено «обоюдно согласным отношением к парламенту со стороны элитарных и неэлитарных слоев как к “ненастоящей”, вторичной, показной власти» [11, с. 21]. Поэтому «настоящими выборами» или выборами реальной власти население считает выборы президента страны в отличие от выборов в Государственную Думу или в местные законодательные органы. Последние признаются российским обществом второстепенными, малозначимыми. Зачастую гражданами игнорировались выборы в законодательные органы власти (особенно на местном уровне) в противовес более-менее массовому участию их в выборах президента и губернаторов.

Персонализация власти включает в себя набор логических следствий, предстающих в виде структурных характеристик образа власти: *единовластие, централизация, иерархичность*. Установочные характеристики образа власти формируют ее структуру. Или, используя, святоотеческое изречение: «дух творит себе формы».

Единовластие

Единовластие предполагает передачу всей полноты власти в государстве в руки одного человека. Единоличная власть на протяжении многих веков была исторической традицией России, даже когда самодержавный царь сменялся генеральным секретарем или президентом, менялось лишь название должности, но не сама суть власти.

Концепция единовластия не просто противоречит демократической концепции, она ее разрушает. основополагающей идеей демократии является ограничение единоличной власти путем разделения властей. Предполагается, что правителя, как бы ни

был он хорош, необходимо контролировать. Демократическая система сдержек и противовесов создана для разрушения единоличной власти. Для демократического сознания наивысшей крамоллой является идея передачи власти в руки одного человека.

В современной России результаты социологических исследований доказывают включенность концепции единовластия в российский образ власти. По результатам исследований Института общественного мнения «Квалитас» (в рамках инициативного мониторинга, проводимого Институтом с 1998 г. по настоящее время, ежемесячно опрашивается 600 и более жителей г. Воронежа по репрезентативной для городского населения выборке методом личного интервью), большинство населения ничего не имеют против перспективы передачи всей полноты власти в государстве одному человеку. В октябре 2001 г. при ответе на вопрос: «С каким из двух противоположных суждений Вы согласны: 1) нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека или 2) в стране должен быть хозяин — нашему народу нужна “сильная рука”?» — большинство воронежцев (70 %) склонились к утверждению, что в стране должен быть единый хозяин — «сильная рука» (только 21 % опрошенных выразили по этому поводу опасения) [12]. Этот вопрос был повторен в январе 2008 г., и сторонники единовластия в Воронеже опять оказались в большинстве — 56 % (противников — 38 %). Следует отметить, что г. Воронеж в данном случае не является исключением, перевес суждений в пользу единовластия имеет общероссийский масштаб. Так, по стране в целом 49 % считают, что власть в России должна быть в руках одного человека (январь—февраль 2004 г.), против выступают 38 % опрошенных. Российский опрос был проведен Фондом «Общественное мнение» в рамках проекта «Георейтинг», где число респондентов составляет от 31 до 34,5 тыс. чел. в 62—69 субъектах РФ [13, с. 35].

Умонастроение народа предопределяет действия власти. Не случайно власть стала концентрироваться в руках Президента РФ, «в новой Конституции закрепился принцип президентской республики, а президент был наделен огромными правами, сравнимыми разве что с властью самодержца» [14, с. 121]. Исследователи утверждают, что форма нынешнего государственного устройства в России по формальным показателям напоминает конституционную монархию. Российский историк В. Старцев провел сравнительный анализ основных

государственных законов от 23 апреля 1906 г. и Конституции 1993 г. и пришел к выводу, что полномочия «конституционного» монарха и президента различаются лишь по трем позициям: в отличие от монарха, президент РФ не имеет права передавать свой пост по наследству, чеканить собственное изображение на монетах и монопольно распоряжаться «имуществом двора» [15, с. 61].

Единовластие вписано в мировоззренческие схемы жителей нашей страны, и в качестве характеристики образа власти задает нормативные параметры, которые служат причиной трансформации властных структур в соответствии с ожиданиями населения. Традиционный образ власти, присущий народным представлениям, ломает, трансформирует наложенный на него трафарет *современной* модели. Базовые аспекты исконной российской модели образа власти возрождаются, как Феникс из пепла. Кстати, книга одного из современных российских исследователей системы власти доктора философских наук В. Д. Попова так и называется: «Полет птицы Феникс...» [16]. Птицей Феникс Попов именует характер российской власти, который вновь и вновь возрождается, несмотря на реформы, революции, войны и другие общественные катаклизмы.

Единовластие как базовый аспект образа власти предполагает наличие другого аспекта — централизации власти.

Централизация

Централизация власти подразумевает систему, управление которой осуществляется из единого центра, персонифицированного, как правило, с именем главы государства.

Современная модель, которая не смогла перебороть традиционную российскую модель образа власти, начала трансформироваться в нечто иное, адаптированное к российским реалиям. Многие российские аналитики и публичные политики утверждают, что в России установился режим управляемой демократии (ее же назвали «суверенной» — впервые применил этот термин В. Сурков). Вектор власти, направленный «сверху вниз», логически соответствует идее централизации власти, которую не смогли пока еще «выветрить» из умов российских граждан ветры перемен. Идея централизации власти «крепко сидит» в головах россиян, даже если не осознается и не декларируется ими, поскольку является одной из основополагающих структурных характеристик, формирующих образ власти.

Современный образ власти, заключенный в демократической идее, имманентно предполагает *децентрализацию власти*. Один из основополага-

ющих принципов демократии — принцип разделения властей — непосредственно направлен против централизации власти.

В то же время, «централизация власти идет, и пока не понятно, кто и что может ее остановить» [17, с. 109]. Такой вывод делает доктор социологических наук А. Е. Чирикова по результатам проведенного исследования, посвященного изучению мнения как представителей российской элиты, так и рядовых граждан страны. «Проведенный анализ, — пишет она, — позволяет говорить о том, что формы существования федерализма, если исходить из оценок региональных элит и экспертов, определяются, по их представлениям, не только и не столько действиями Центра, сколько поведением населения...» [17, с. 110].

Иными словами, централизация власти есть ответ власти на ожидания населения. Таким образом, централизация есть не столько воля центра, сколько воля населения России. Российские исследователи сегодня обращают внимание на то обстоятельство, что сложившаяся в РФ социальная среда по-прежнему благоприятствует воспроизводству (в общенациональном и региональном масштабах) центростремительных, и даже авторитарных тенденций [18, с. 105].

Иерархическая централизованная модель управления на Руси сложилась исторически в силу своей эффективности и социальной востребованности. В ходе эволюции представительства княжеской власти на русских территориях, постепенно объединившихся в рамках единого государства, в XII—XIV вв. была сформирована иерархически выстроенная моноцентричная управленческая модель. Эта модель, по мнению исследователей, позволяла сохранять от разрушения на протяжении многих веков обширную страну [19, с. 5]. Причины распада СССР А. Ю. Федоров усматривает в *разрушении традиционной для России модели взаимодействия между центральным и региональным руководством* [19, с. 15]. Централизация вписана в *традиционную модель* образа российской власти в качестве структурной характеристики. Децентрализация — принадлежность *современной модели* власти западного типа.

На Западе доминирует представление, что децентрализация ведет к повышению эффективности госуправления. Так ли это на самом деле? Реальная ситуация противоречит прогнозам научной теории. По мнению российских политологов, децентрализация не создала предпосылок для повышения эффективности общественного сектора. Если уров-

ни власти начинают конкурировать между собой за экономические ресурсы, властные полномочия и популярность в глазах избирателей, результатом децентрализации может стать только снижение эффективности общественного сектора. «В этом случае мы фактически получаем игру с нулевой или даже отрицательной суммой, где единственный источник выигрыша — проигрыш конкурента» [20, с. 96]. Сходная картина, как пишет В. Д. Нечаев, наблюдалась во многих странах третьего мира, вступивших на путь модернизации. Попытки инсталляции скроенных по западным образцам моделей местного самоуправления, как правило, приводили здесь к падению эффективности управления, конфликтам новых институтов местной власти с традиционными (вождями, старейшинами и т.д.) и распространению коррупции [20, с. 95].

В новейшей российской истории тоже можно найти немало примеров такого рода. Весьма показательна в этом плане развернувшаяся в 1990 е гг. борьба между губернаторами и мэрами столичных городов и областных центров, в ходе которой областное руководство, стремясь продемонстрировать неэффективность мэра в решении хозяйственных вопросов и тем самым добиться его провала на выборах, не гнушалось и такой мерой, как целенаправленное ограничение бюджета региональной столицы. Вместе с тем, напоминает Нечаев, полезно вспомнить, что муниципальная реформа второй половины XIX в. привела к аналогичным последствиям. «Как показывает в своем блестящем очерке «Земские учреждения и самоуправление» В. Безобразов, выведение земских учреждений за пределы системы государственной власти и тогда обернулось падением эффективности публичного управления, что проявилось в слабой координации усилий государственной бюрократии и земств, в их взаимном недоверии и конкуренции, повлекшей за собой увеличение налогового бремени» [20, с. 96]. Следует вывод, что причины возникновения игр с нулевой суммой в отношениях между автономными уровнями власти носят не личностный, а системный, институциональный политико-экономический характер.

«Властечентричность», как считает Ю. С. Пивоваров, является ключевой характеристикой российской политической культуры. «Властечентричность» предполагает выстраивание «вертикали власти». Процесс централизации власти начался еще при первом Президенте РФ. «Централизация власти в руках президента, — замечает И. К. Пантин, — меньше всего была выражением амбиций

Ельцина и его окружения, хотя амбиций у них было достаточно... Не ошибки и не злая воля правителей толкали к централизации власти» [14, с. 121]. Общая тенденция социальных настроений латентно, но неизбежно преобразовывала властные конструкции. Отмена прямых выборов губернаторов в 2004 г. была предопределена совокупностью социальных, политических и экономических причин, а также такой характеристикой образа власти в России, как *централизация*.

Вообще, в современном пространстве постмодерна нет центра в привычном понимании. М. Фуко, пытаясь осмыслить систему отношений власти в концептуальном ключе, приходит к выводу, что в современном обществе власть более не имеет единого центра, будучи разлитой по всему целому. По словам немецкого социолога Лумана, современники живут в обществе без вершины и без центра, в котором в результате функциональной дифференциации и центробежных социальных процессов сегодня больше невозможно помыслить единства внутри общества [21, с. 321].

Но у современного человека остается мощная психологическая потребность в центре и пространственно-социальной иерархии. Живучесть этой концепции, по мнению философов, связана с глубоко укорененной психологической потребностью — со своего рода «инстинктом центра» и инстинктом сакрального. Механизм центрирования человека предстает как возможность спасения его от повседневного отчуждения и одиночества. «В традиционных цивилизациях центр открывал дорогу на небо, будучи вертикалью восхождения. В современной цивилизации небо удалилось от нас настолько далеко, что понимание самой концепции центра мира требует от современного человека значительного усилия. Ведь там, где полицентризм, нет больше круговращения по единым орбитам и нет ощущения сакральности. Современная культура — это не культура вокруг, а культура около...» [22, с. 57]. Постмодернистское пространство подчеркнуто ацентрично и неиерархизированно. Тем не менее слухи о «смерти центра», как говорится, сильно преувеличены.

По итогам результатов исследований А. Е. Чирикова делает вывод, что в дальнейшем централизация будет усиливаться, «потому что сторонников этой идеи немало как среди элит, так и среди населения» [17, с. 107]. Процесс централизации, по ее мнению, «открывает возможности для административного контроля, заменяя политические каналы коммуникации на иерархические» [17, с. 109].

Иерархичность является следствием процесса централизации.

Иерархичность

Иерархия власти есть «система последовательного подчинения структурных подразделений социальной власти от нижестоящего к вышестоящему» [23, с. 131].

С иерархией российского общества, по мнению отдельных исследователей, связаны особенности его истории. Арчи Браун, почетный профессор политологии Оксфордского университета, пишет: «Идеологии придавалось такое значение (особенно как оправданию жестко иерархической внутренней структуры коммунистической партии и ее монополии на власть), что любые изменения в теории влекли за собой глубокие политические последствия» [24, с. 72]. Российский профессор Б. И. Кашников отмечает, что иерархическое общество обычно призвано для служения великой идее [25, с. 29]. Тысячелетняя идея «Святой Руси» требовала иерархической структуры земной власти, в соответствии с властью небесной. Великая идея построения коммунизма, т.е. «царства Божьего на земле», также воспроизвела иерархическую структуру власти. Несмотря на то что место Бога в СССР стало «вакантным», представления о власти среди населения остались прежними, что способствовало возрождению традиционного иерархического принципа во властных структурах. Советское общество, на взгляд Кашникова, следует понимать как иерархическое общество, вариацию на тему извращенного идеала Святой Руси. Более того, и «современное российское общество, — заключает философ, — является по-прежнему обществом иерархическим» [25, с. 40—41].

Хотя нынешнее постсоветское общество, несмотря на неоднократные потуги, так и не смогло породить какой-либо «великой идеи», во власти вновь воспроизводится традиционная иерархическая структура. Почему? Потому что именно такая структура присутствует в образе власти россиян, структура «пережила» свою идеологическую подоплеку.

Иерархичность как *структурная характеристика* традиционной российской модели образа власти противоречит современной демократической модели, которая направлена на разрушение всякой иерархии.

Само переизбрание Президента РФ через установленный законом срок символизирует то, что любой представитель нации может стать Президентом, если его выберет народ. Следовательно,

хотя иерархия и существует, но исключительно как условность. Частая смена президента «помогает» разрушать вновь и вновь иерархическую лестницу, едва она начинает формироваться.

Поскольку губернаторов в России до определенного времени избирал народ, то они как бы находились на той же ступени иерархической лестницы, что и Президент России. Отсутствие иерархической лестницы, как правило, исключает режим подчинения. Вероятно, поэтому у В. Путина появилось основание провести реформу, направленную на укрепление «вертикали власти», для повышения эффективности управления страной.

Принцип разделения властей на *исполнительную, законодательную и судебную* в демократической схеме не предполагает никакой иерархии между ними. Все три ветви власти находятся, если так можно выразиться, на одном уровне, никакая из них не является «выше» или «ниже» другой, они обладают равной степенью власти, хотя и в разных сферах.

Однако результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что в представлениях россиян вовсе не наблюдается равновесия между этими тремя ветвями власти, «реальный вес для населения имеет лишь та власть, которая связана с исполнительной ветвью» [26, с. 40]. Законодательная власть считается как бы «ненастоящей», второстепенной властью.

Социологи отмечают, что выстраивание иерархических отношений на уровне федеральный центр — регионы способствует угасанию конфликтов: «Проведенное исследование сопоставления оценок элит в 2004 и 2006 гг. ясно показало, что отношения между Центром и регионами со временем теряют свою остроту, превращаясь в отношения иерархического соподчинения» [17, с. 111].

Согласно результатам региональных социологических опросов Института общественного мнения «Квалитас», население выстраивает иерархическую лестницу от Президента к губернатору и далее — к мэру, полагая, что в отношениях между этими звеньями имеет место строгий режим подчинения. Более того, в единую властную иерархию включается и законодательная власть. *Властная структура не мыслится российскими гражданами вне иерархии.*

Российская власть воспроизводит иерархическую структуру, несмотря на провозглашенный принцип разделения властей, не потому, что представители власти имеют авторитарные амбиции, а потому, что иерархические схемы лежат в основе

исконного образа власти, а профессиональный политик обязан воплотить эти схемы, иначе он потеряет доверие народа. Именно поэтому российская демократия приобретает черты «управляемости», иерархичности.

В итоге можно сделать вывод, что *традиционная модель* образа власти в России противоречит *современной модели* в базовых аспектах образа власти (источник власти, вектор власти, идея служения, персонификация, единовластие, централизация, иерархичность и пр.). На невидимом фронте политической культуры идет борьба между двумя моделями образа власти. Исходом этой борьбы является воспроизводство характеристик образа власти, присущих традиционной российской модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плиханков (сх. Варсонофий). Келейные записки / Плиханков (сх. Варсонофий). — М., 1991.
2. Ильин М. В. Российский выбор : сделан, отсрочен, отменен? / М. В. Ильин // Полис. — 2003. — № 2.
3. Россман В. И. Платон как зеркало русской идеи / В. И. Россман // Вопросы философии. — 2005. — № 4.
4. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика / Ю. С. Пивоваров // Полис. — 2006. — № 1.
5. Булгаков С. Свет Невечерний. Созерцание и умозрение / С. Булгаков. — М., 1917.
6. Шмеман А. (прот.). Исторический путь Православия / А. Шмеман (прот.). — М., 1993.
7. Разгон Л. Э. Непридуманное / Л. Э. Разгон. — М., 1988.
8. Ильин И. А. О грядущей России : избранные статьи / И. А. Ильин ; под ред. Н. П. Полторацкого. — М., 1993.
9. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев ; сост., предисл. и прим. Л. В. Полякова. — М., 1990.
10. Малинова О. Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе / О. Ю. Малинова // Полис. — 2006. — № 5.
11. Соловьев А. И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития / А. И. Соловьев // Власть. — 2006. — № 3. — С. 21.
12. URL: <http://www.qualitas.ru>
13. Кертман Г. Л. Московские аномалии: экскурсия по Георейтингу / Г. Л. Кертман // Полис. — 2006. — № 6.
14. Пантин И. К. Выбор России : характер перемен и дилеммы будущего / И. К. Пантин // Полис. — 2007. — № 4.
15. Россия в условиях трансформаций : историко-методологический семинар. — 2002. — М., 2002. — Вып. 20.
16. Попов В. Д. Полет птицы Феникс : историко-коммуникативный анализ системы власти / В. Д. Попов. — М., 2007.
17. Чирикова А. Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит : динамика перемен / А. Е. Чирикова // Полис. — 2008. — № 6.
18. Миронюк М. Г. Человеческое измерение федерализма. Федералистские теории и тенденции развития федеративных отношений в России / М. Г. Миронюк // Полис. — 2003. — № 3.
19. Федоров А. Ю. Институт представительства центра в регионах: от Древней Руси до распада СССР / А. Ю. Федоров // Власть. — 2006. — № 9.
20. Нечаев В. Д. Децентрализация, демократизация и эффективность / В. Д. Нечаев // Полис. — 2005. — № 3.
21. Фуко М. Интеллектуалы и власть / М. Фуко. — М. : Праксис. — 2002. — С. 77.
22. Россман В. И. Мистерия центра : идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах / В. И. Россман // Вопросы философии. — 2008. — № 2.
23. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С. А. Кравченко. — М., 2004.
24. Арчи Браун. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом / Арчи Браун // Полис. — 2007. — № 6.
25. Кашников Б. Н. Исторический дискурс российской справедливости / Б. Н. Кашников // Вопросы философии. — 2004. — № 2.
26. Шестопал Е. Б. Новые тенденции восприятия власти в России / Е. Б. Шестопал // Полис. — 2005. — № 3.

Институт общественного мнения «Квалитас»
Романович Н. А., кандидат социологических наук,
генеральный директор ИОМ «Квалитас»
E-mail: nelly@qualitas.ru
Тел.: (4732) 55-44-58

Public Opinion Institute «Qualitas»
Romanovich N. A., Candidate of Sociological Science,
General Director of the Public Opinion Institute «Quali-
tас»
E-mail: nelly@qualitas.ru
Tel.: (4732) 55-44-58